

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. **Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества.** М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

«Насилие и социальные порядки» — книга с амбициозным названием и звездным составом авторов: Д. Норт — Нобелевский лауреат по экономике и один из основоположников нового институционализма, Джон Уоллис — профессор экономики университета Мэриленда и сотрудник Национального бюро экономических исследований (NBER), ведущего «мозгового центра» в области экономики в США, Барри Уайнгаст — профессор департамента политических наук Стэнфордского университета, известный своими работами по сравнительному анализу политических институтов. Всех троих объединяет политэкономическая перспектива, совмещение концептуального аппарата и методов экономики и политических наук, акцент на институтах. Все трое на протяжении своей карьеры специализировались на экономико-политическом развитии США.

Необходимо сказать, что «Насилие и социальные порядки» — не первая и не последняя книга за последние 10 лет, претендующая на звание «большой теории», объясняющей процесс человеческого развития. В 2005 г. Р. Инглхарт (социолог, Мичиганский университет) и К. Вельцель (политолог, университета Лёнебурга) выпустили книгу «Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence» (на русском языке книга опубликована в 2011 г. «Новым издательством»), в которой, используя идеи Нобелевского лауреата по экономике Амартии Сена, авторы попытались прояснить связь между экономическим развитием и изменениями в институтах и ценностях. В 2006 г. Д. Эйсмоглу (экономист, Массачусетский технологический институт) и Д. Робинсон (политолог, Гарвардский университет) опубликовали «Economic Origins of Dictatorship

and Democracy», а пятью годами позже «Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty», в которых, развивая теорию рационального выбора, обосновывают различия между «институтами извлечения» и «институтами включения». И это не считая менее масштабных и рассчитанных на более широкую аудиторию работ гарвардского историка Н. Фергюссона (Civilization: The West and the Rest, 2011), итальянского экономического социолога Д. Арриги (например, Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century, 2007), равно как и выхода четвертого тома фундаментальной работы неомарксиста И. Уоллерстайна по истории современной мир-системы (The Modern World-System, vol. IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914, 2011). В этом ряду «Насилие и социальные порядки» вряд ли сможет занять центральное место. По большому счету (как оговариваются и сами авторы) данная публикация, скорее, заявка на исследовательскую программу, нежели подведение итогов большого проекта (как в случае с Инглхартом—Вельцелем и Уоллерстайном). Тем не менее контуры этой программы не могут не представлять интерес для представителей всех социальных наук.

Трудно сказать, что является центральной идеей книги. С одной стороны, ею можно назвать разделение «социальных порядков» на «естественные» (natural), они же «порядки ограниченного доступа» (limited access), и на «порядки открытого доступа» (open access). В основе их различия лежит способ контроля над насилием: в естественных государствах насилие ограничивается за счет создания широких вертикальных патрон-клиентских связей, замыкающихся на «господствующей коалиции»,

которая ограничивает доступ к организационным ресурсам, тем самым создавая ренту, тогда как в государствах открытого доступа уровень насилия редуцируется за счет комбинации верховенства права, безличных идентичностей, бессрочных организаций и открытого доступа и конкуренции в политике и экономике. В отношении каждого порядка авторы пытаются использовать одинаковый концептуальный аппарат: ренту, институты, организации и убеждения, который призван помочь прояснить конкретные механизмы контроля над насилием. С другой стороны, в центре внимания исследователей находятся не просто различия между порядками, но их внутренняя динамика и процесс перехода от естественных государств к открытым, который, с точки зрения авторов, происходит в два этапа: достижение пороговых условий (верховенство права среди элиты, бессрочно существующие организации и консолидированный контроль над вооруженными силами) и «действительный переход». Авторы настаивают, что никакого телеологизма в их теории нет: переход вовсе не обязателен, более того, большую часть человеческой истории общества ограниченного доступа преобладали (попытки создать общества открытого доступа в античной Греции и Риме провалились), устойчивые общества открытого доступа возникли лишь в XIX в.

Чем характеризуются различные типы социальных порядков? Естественный порядок, который в свою очередь подразделяется на «хрупкий», «базисный» и «зрелый», отличается 1) слабым экономическим ростом, чувствительным к негативному воздействию; 2) управлением без общего согласия управляемых; 3) относительно небольшим числом организаций; 4) небольшими централизованными правительствами; 5) патрон-клиентскими отношениями в обществе. Порядок открытого доступа отличается

1) политическим и экономическим развитием; 2) экономикой, которая реже испытывает периоды отрицательного экономического роста; 3) сильным гражданским обществом с множеством независимых организаций; 4) большим и децентрализованным правительством; 5) социальными отношениями, основанными на равенстве, уважении, верховенстве закона. Важным моментом в этой теории является утверждение о том, что переход от одного порядка к другому должен быть согласован с логикой естественных государств, т. е. естественное государство должно, образно говоря, «прорасти» в государство открытого доступа. А поскольку логика этих порядков кардинально отличается друг от друга, действительный переход осуществлялся до недавнего времени крайне редко. При этом даже в обществах-пионерах перехода (Англия, Франция, США) траектории транзита сильно отличаются друг от друга.

Эмпирическая аргументация, стоящая за общей теоретической схемой, довольно эклектична. Авторы во введении приводят статистические данные о доходах, уровне демократии и количестве организаций для формулировки изначальной гипотезы, затем обращаются к данным антропологов о внутри- и межгрупповой насильственной смертности в подтверждение тезиса о том, что возникновение естественных государств — это как раз решение проблемы насилия. Наконец, большую часть книги авторы используют исторические примеры: для иллюстрации логики базисного естественного государства — средневековую Англию и, в особенности, земельное право того периода, далее — примеры, Франции и США. В целом, историки наверняка найдут анализ Норта, Уоллиса и Вайнгаста поверхностным и притянутым: отбор случаев для анализа представляется произвольным, а интерпретация игнорирует множество деталей и

противоречий исторического процесса в этих странах. Кроме того, вызывает удивление, что, по существу, отправная точка книги — споры с другими исследователями проблематики становления современных национальных государств — находится в конце книги. Более того, заочный спор с Ч. Тилли опирается лишь на одну его работу, а ссылки на Ш. Эйзенштадта, поднявшего всю совокупность проблем данной книги, попросту отсутствуют. В результате работа кажется странной попыткой на скорую руку найти аргументы в пользу пока еще полностью не созревшей теоретической модели, которая к тому же отличается от других работ лишь деталями.

С учетом вышесказанного встает вопрос о ценности книги для специалистов в области социальных наук — историков, экономистов, политологов, социологов, антропологов, тем более что авторы претендуют на создание новой исследовательской повестки дня. Так, они предлагают отказаться от прогрес-

систской схемы исторического процесса («естественные государства не больны») рассматривать рынок и демократию как систему «двойного баланса» в противовес А. Пшеворскому, иметь в виду, что одни и те же институты (выборы, например) имеют разное значение в разных порядках, наконец, обратить внимание на организационную сложность как на важную объяснительную категорию. Все эти идеи развиваются достаточно давно, однако ценность данной работы, наверное, заключается в попытке свести их воедино, тем самым обозначая новые границы будущих исследований. В этом и видится смысл книги «Насилие и социальные порядки». Вряд ли она может претендовать на революцию в социальных науках, но это довольно интересная попытка заново переопределить пределы возможного в нашем познании социальных процессов, в том числе — за счет пересечения дисциплинарных полей. Попытка не самая удачная, но стимулирующая и поучительная.

А. В. Семенов